Попов, П. 23 сент. 1922.

Учение Эпикура об абсолютном пороге.

В учении о связи раздражения с ощущением, в так называемом психофизическом законе Вебера-Фихнера, легко отличить две стороны вопроса: одна касается установления самого факта, который обосновывается формулой закона; эта сторона дела касается самой особенности нашей восприимчивости, заключающейся в том, что ощущения являются прерывными величинами,—тут указывается принципиальное отличие роста наших ощущений в сравнении с ростом внешней побудительной причины. Другая сторона закона—в точной формулировке, допускающей признание количественно-определенной связи при установлении отношений между раздражением и нашей воспринимающей способностью. Самый факт прерывности является столь характерным свойством величин ощущений, как данных нашей чувствительности, что вряд ли можно было бы спорить с положением, что наши ощущения растут не параллельно изменениям раздражений, а скачками: в то время как раздражения возрастают непрерывно, ощущения растут прерывно. Если иметь в виду принципиальную сторону дела, то это значит, что наше сознание не в состоянии прослеживать за всеми изменениями, происходящими вовне: оно не поспевает [1]) за постепенными приростами в раздражениях, оно учитывает эти приросты суммарно, подводя в известные моменты итоги, когда изменение раздражения возрастает до определенной величины.

Что касается количественной стороны дела, т.-е. вопроса, можно ли точно, и раз навсегда, в математической формуле зафиксировать эту своеобразную связь между всяким ощущением и раздражением, то это для психологии не есть нечто вполне незыблемое и твердо решенное, тут возможно много как теоретических сомнений правомерности применения величин к фактам этого рода, так много колебаний и с эмпирической точки зрения.

---

[1]) Джемс так и называет психофизический закон law of retardatio (James, Text-book of psychology; 1882, p. 18).

Но если и вполне понятно скептическое отношение некоторых современных психологов к закону Фехнера в его определенной формулировке, то основное условие проявления нашей восприимчивости, на основании которого устанавливается самый закон, остается вне сомнения: против специфических особенностей сознания с его прерывным характером возрастания ощущений ничего нельзя возразить, с этим приходится считаться, как с фактом.

И вот невольно закрадывается вопрос: если эта особенность сознания оказывается столь коренной и основоположной, неужели ее обнаружение относится лишь ко времени Вебера? Неужели мыслители и психологи прежнего времени, часто весьма чуткие и проницательные, не смогли учесть этой фундаментальной характеристики психики,—ведь основные черты психологической науки были установлены за много тысячелетий до исследований XIX века. Настоящая заметка имеет своей целью показать, что факт существования скачков или порогов ощущений был подмечен философами еще в очень давнее время; имеется полное основание утверждать, что за несколько столетий до Р. Х. греческий мыслитель Эпикур уже обратил внимание на наличность порогов и пытался объяснить их помощью своего материалистического истолкования природы души.

Психология при обосновании психофизического закона имеет в виду наличность порогов двух родов: абсолютного и разностного. Абсолютным порогом раздражения называется та минимальная величина раздражения, при которой впервые в сознании получается ощущение; это первоначальное ощущение можно назвать абсолютным порогом ощущения. Разностным же порогом раздражения называются те наименьшие прибавки к раздражениям, которые могут быть замечены сознанием. У Эпикура мы не находим ни слова о порогах второго рода; он обратил внимание и пытался обосновать лишь наличность абсолютного порога, так что можно утверждать, что у Эпикура есть учение об абсолютном пороге.

Однако, прежде чем излагать данное учение, приходится указать на то, что мы содержание произведений Эпикура в большей части узнаем из вторых рук: от трудов самого Эпикура до нас дошли жалкие крохи: три письма, основные тезисы его теорий и несколько отрывков его основного сочинения; но о взглядах Эпикура сохранились многочисленные свидетельства его литературных противников, равно и представителей пользовавшейся большим успехом школы Эпикура; интересующее нас учение Эпикура мы находим, главным образом, у наиболее видного эпикурейца—римского поэта I века до Р. Х. Лукреция в третьей книге его поэмы «*De rerum natura*». Поэма эта, как известно, представляет собой поэтическое переложение доктрины Эпикура; содержание ее не

представляется самостоятельным, на долю самого Лукреция приходится лишь поэтическая обработка данного философского материала учения Эпикура. Вряд ли поэтому можно было бы видеть в самом Лукреции автора обоснования абсолютного порога. Нельзя этого сделать и по другой причине: намек и общую же основу подобного учения, правда, мимоходом указываемую, мы находим и у другого представителя эпикуровой школы—у Диогена из Эноанны (около 200 г. после Р. Х.); подобный же намек можно найти и в одном сохранившемся отрывке самого Эпикура.

В лице Эпикура мы имеем типичного представителя материализма классической эпохи, и на это нам особенно приходится обратить внимание, раз мы хотим разобраться в психологическом учении такого автора. Существуют материалисты-психологи и в наше время, но их материализм совсем своеобразный,—он часто лишь глухо подразумевается, и его недоговоренность вполне сохраняет неприкосновенность некоторых чисто психологических принципов. Не так обстояло дело у прежних материалистов: они были прямолинейно откровенны и смело шли до конца, договариваясь иногда до самых курьезных крайностей. В конечном счете мы и у Эпикура получаем весьма наивное материалистическое обоснование данной его психологической теории; но мы должны суметь из этой отжившей формулы, из этой ненужной скорлупы извлечь здоровое ядро проницательного психологического наблюдения. Факт пронаблюдал Эпикур вполне определенный и неоспоримый, но пожелал вдвинуть его в грубо-атомистическую физику сознания; это следует все время иметь в виду.

Как известно, Эпикур не был оригинальным ученым; теоретические вопросы его мало занимали, центр тяжести его доктрины лежал в морали. Поэтому, что касается физики, гносеологии и психологии, то в этом отношении Эпикур использовал теории, уже сложившиеся до него,—он примкнул к концепциям Демокрита. Это обстоятельство, между прочим, позволило одному критику сравнить безразличие Эпикура, благодаря которому он широко пользовался готовыми теориями, с беспечностью тех птиц, которые, не строя собственного жилища, занимают старые гнезда, приспособляя их по мере возможности к своим нуждам [1]). В общем это, конечно, верно, но как раз в интересующем нас вопросе Эпикур является вполне самостоятельным и, наоборот, развивает свою точку зрения, *возражая* Демокриту.

---

[1]) Martha. «Le poème de Lucrèce»; 1869, p. 96; см. также стр. 260—261 и 269. Как неблагоприятно отразился общий тон эпикурейского философствования на научной тщательности в обосновании принципиальных проблем психол. см. Siebeck, «Geschichte der Psychol. Die Psychologie von Aristoteles bis Thomas von Aquino». S. 173—174.

Лукреций излагает [1]) это опровержение приблизительно так. Нельзя соглашаться с мнением Демокрита, будто первичные элементы души [2]) (primordia animi) находятся в теле в таком же количестве, как и первичные элементы самого тела. По Демокриту выходило так, что количественно каждому

---

[1]) De rerum natura, III, 370—395 (изд. Ad. Brieger a, Leipzig, 1909).

[2]) По Лукрецию, духовное существо человека состоит из a n i m u s и a n i m a. Animus (λογιστικόν или νοῦς Эпикура) является главной частью человека по сравнению с anima (ἄλογον или ψυχή, по Эпик.) и заведует всем его телом (dominari in corpore toto; III, 138); помещается этот дух в середине груди (media regione in pectoris haeret; ibid., 140); остальная часть души рассеяна по всему телу (143). С другой стороны, природа души, не будучи простой, распадается на 4 начала. Первенство тут имеет начало четвертое, безымянное,—оно созидает чувствительность по членам тела (245). Как относится дух к этой безымянной части души? Каково взаимоотношение этих двух сущностей? Если обратить внимание на то, что их функции и значение для всего организма человека подчас характеризуются одинаковыми чертами (о д у х е—caput esse quasi et dominari in corpore toto consilium (138—139); hic exultat enim pavor ac metus, haec loca circum laetitiae mulcent (141—142); о четвертой части души—animae quasi totius ipsa proporrost anima et dominatur corpore toto (280—281); sensiferos motus quae didit prima per artus (245), то может показаться, что тут под разными терминами Лукреций имеет в виду одну сущность. Так понимает положение вещей Brieger; также Шенье в своем очерке психологии Эпикура говорит, излагая его учение о душе и духе, следующее: «Одно с другим интимно связано, и они составляют единое целое, хотя и разделены пространственно», и на следующей странице он даже вполне отожествляет четвертую безымянную сущность души, эту anima animae с духом (Hist. de la psychologie des Grecs» par Chaignet, 1889, II, p. 315 и след.). Такое отожествление, конечно, неверно. Heinze прав, указывая, что разница между духом и quarta natura вполне определенная. Чисто душевные движения, каковы страх и радость, порождаются в a n i m u s и потом передаются атомам ч е т в е р т о й п р и р о д ы. При восприятии же чувственных впечатлений прежде всего возбуждается душа — по своему положению,—и именно четвертая природа души, откуда созидается движение, а также и ощущение (Heinze. T. Lucretius Carus. De rerum natura. Buch III. Leipz.. 1897, S. 78). Так же объяснима одинаковость выражения dominari in corpore toto (Heinze, S. 87).

И все же в данном месте Лукреций не имеет в виду разницы между духом и душой. Когда Лукреций говорит об о б щ и х свойствах души и духа, то он часто употребляет один термин вместо другого и даже предупреждает об этом читателя (так, напр., перед изложением аргументов о смертности души Лукреций указывает: «Когда я буду говорить о душе (animam), уча об ее смертности, то имей в виду, что я то же говорю и о духе, так как это одно, и они связаны между собою»; ib., 422—424). В разбираемом нами отрывке Лукреций promiscue употребляет то animus, то anima (animus—372; anima—374, 380 и 393). Дело, повидимому, объясняется тем, что речь идет о всех вообще не телесных атомах человека, т.-е. как о духовных, так и душевных, подобно тому как современный физиолог мог бы говорить о свойствах нервной системы, имея в виду и нервную ткань всего тела, и головной мозг. Munro («T. Lucr. Cari de rerum natura libri sex», edited by Munro; 4 ed., Cambridge; 1886; Notes, p. 194) по поводу данного места замечает, что у Лукреция a n i m a и a n i m u s составляют одно связное целое в теле и что, поэтому, если приходят в движение атомы д у ш и, то, по Лукрецию, это движение отзывается и на д у х е. Впрочем, в переводе Munro соблюдает разницу, ставя то s o u l, то m i n d (Translation, p. 66). Мы пишем всюду «душа», чтобы не казалось, будто Демокрит и Лукреций говорят о разных вещах. Это вполне оправдывается словами того же Munro. Он говорит: «Обычный его (Лукреция) прием, как мы часто могли заметить, заключается в том, чтобы соблюдать различие между схожими словами, когда этого требует его аргумент и употреблять их безразлично, когда точности не требуется» (Munro, Notes, p. 186).

атому тела соответствует атом души (в отдельности друг к другу приложенные, они попеременно чередуются [1]), следовательно число атомов тела и души одинаково; атомы души и тела располагаются как бы в порядке правильного чередования,—расстояние между двумя атомами тела равняется величине атома души и обратно [2]). Эпикур (Лукреций) не соглашается признать такого параллелизма: с его точки зрения душевные атомы обладают сравнительно с атомами телесными не только тою особенностью, что они гораздо мельче телесных (а это признавал и Демокрит [3]), но их гораздо меньше по числу (numero concedunt), и они сравнительно редко (rara) попадаются в членах тела.

И тут же, в противовес Демокриту, выдвигается основоположная формула, которая затем поясняется рядом чисто психологических примеров. Формула гласит: «Насколько малые тела, раздражающие нас, впервые [4]) могут возбуждать в нас чувственные движения, настолько малые по величине расстояния имеют между собой первоначальные [5]) элементы души» [6]). Heinze понимает это так: «Каковы по величине самые мелкие тельца, прикосновение которых пробуждает в нас ощущение, таковы по величине расстояния душевных атомов друг от друга» [7]). Munro хорошо поясняет данное понимание такой иллюстрацией: если частица пыли действует на тело, не будучи ощущаемой, то это значит, что расстояние между двумя атомами души больше, чем эта частица [8]).

Когда в современных психологиях устанавливается абсолютный порог, то обычно предварительно для большей ясно-

---

[1]) Singula privis adposita, alternis variare (372—379).

[2]) Это учение Демокрита мы узнаем только из рассматриваемого текста; других источников учения Демокрита о численном равенстве атомов телесных и духовных не имеется. У Аристотеля (De anima I, 5, 409 b 2) мы находим лишь общее указание, что, по Демокриту, душа находится во всем ощущающем теле (см. Heinze, S. 106 и Munro. Notes; p. 194). Авторы, излагающие доктрину Демокрита, для полноты психологической концепции принуждены всегда пользоваться данной цитатой Лукреция (см. Chaignet. «Essai sur la psychol. d' Aristote», Paris, p. 194).

[3]) См. Heinze, S. 107.

[4]) Следует читать prima, поставленное, как наречие, не priva, как думал Бентлей (Munro, ibid).

[5]) Тут prima является прилагательным. Munro говорит: «Нет повода читать priva с Бентлеем в этих двух местах, иначе уже одно exordia само по себе имело бы силу primordia, чего нигде нет у Лукреция» (ibid.). Правда, по этому поводу Brieger замечает: Bentlei priva recte se habet, ubi Mr. male prima retinet (Prolegomena; к III, 380); однако Heinze отмечает, что выделение посредством priva отдельных духовных элементов, как взятых самих по себе, было бы здесь излишним, почти мешающим (S. 108).

[6]) Quantula prima queant nobis iniecta ciere
corpora sensiferos motus in corpore, tanta
intervalla tenere exordia prima animai. (378—380).

[7]) S. 108.

[8]) Ibid.

сти обращается внимание на примеры незамечаемых раздражений, каковы, например, незначительные шорохи, легкие прикосновения и т. п. [1]). У Лукреция есть целый ряд подобных, чрезвычайно изящно подобранных примеров; их несколько, но в данном месте они все относятся к области осязательных ощущений; впрочем, в следующей же книге поэмы имеется аналогичный пример и по отношению к зрительному чувству (столь мелкие животные, что мы третьей части их уже не видим вовсе) [2]). Примеры же из области осязательного чувства, приведенные в разбираемом месте, легко разбиваются на 4 группы, как их удачно разделил Heinze [3]). Во-первых, мы часто не замечаем пыли, прилипшей к телу, ни рассыпавшейся пудры [4]), приставшей к нему. Далее мы не чувствуем ночной мглы, ни слабых нитей паука, когда мы, идя, за них зацепляемся. Третью группу раздражений составляют предметы, падающие сверху—обветшалые паутины, пух и летающие семячки с нитями. Наконец, еще упоминаются незаметные для нас движения мушек и других насекомых, ползающих по нашей коже [5]).

Наличность таких незамечаемых возбуждений позволяет Эпикуру (Лукрецию) заключить так: (таким образом) «многое должно в нас возбудиться, прежде чем семена души, вмешанные по членам в наших телах, почувствуют, что телесные элементы потрясены, и прежде чем они, ударяясь при своих [6]) расстояниях друг от друга, могут сойтись, столк-

[1]) James начинает отдел об интенсивности ощущений, где устанавливается фехнеровский закон, следующими словами: «Свет может быть таким слабым, что он не будет в состоянии заметным образом рассеять тьму, звук может быть столь низким, что его не услышишь, прикосновение, будучи слабым, может остаться незамеченным» (p. 16).

[2]) IV, 114—115; Heinze, S. 106.

[3]) S. 108.

[4]) Creta—мел; тут—пудра (Бокемюллер).

[5]) Впрочем, новейший итальянский исследователь текста Лукреция считает данные примеры за чрезвычайно неудачно подобранные поэтом. Ведь в большинстве из них имеется в виду не незначительность величины раздражающего объекта, а его легкость—возьмем паутину, пыльцу, мел и т. п. Тут дело не в малости: l'elemento importante non è la piccolezza dell'oggetto toccante, ma la leggerezza (L. Cari de rerum natura, di C. Giussani, volume terzo, 1897, p. 47). Поэтому у Джуссани выходит так, что правило было установлено Эпикуром, а Лукреций, увлекшись возможным поэтическим изяществом примеров, подобрал совсем не подходящие случаи, так что самое правило у Лукреция сводится на нет или, во всяком случае, на него можно было бы ссылаться лишь косвенно. (ibid). Думается, что с Джуссани позволительно не согласиться: ведь если мы будем так ригористичны, то пришлось бы упрекнуть в непонимании и Джемса, когда он говорит о легких прикосновениях, как примерах закона порога (как раз leggerezza, срв. James. Text-book; p. 16); мало того—не усвоившим смысла закона порога оказался бы Эббингауз, когда он указывает пример осязательной раздражительности от одежды («Tastreize der Bekleidung» Grundz. der Psych., 3 Aufl., S. 595) Ведь паутина и легкая одежда—примеры аналогичные.

[6]) т. е. sis (suis) вместо бессмысленного quantis; можно также читать in his (так читает вслед за Лахманом Brieger),—тогда будет «при этих расстояниях»;

нуться и опять растолкнуться» [1]). Итак, в нас должно многое возбудиться, т.-е. должны притти в движение многие элементы тела [2]), прежде чем элементы души отзовутся на это возбуждение. Munro замечает о духовных атомах Лукреция следующее: «Лукреций не решается утверждать, насколько по числу их меньше в сравнении с телесными; но данные обстоятельства, как он думал, показывают, что непропорциональность очень велика: мушиная нога или пылинка, прикасаясь к телу, соприкасаются со многими тысячами атомов: в таком случае, если пылинки могут часто падать на тело, не будучи ощущаемы, т.-е. не приходя в соприкосновение с атомами души, то этих последних должно быть гораздо меньше, чем атомов телесных [3]).

Что заставило Эпикура выставить это новое понимание состава души против взгляда Демокрита? Повидимому, подмеченный в самонаблюдении факт несоответствия интенсивности ощущения силе раздражения был тут единственной побудительной причиной [4]). Тем более, что никаких априорно-материалистических доводов не могло быть. Кроме того, ведь Эпикур прекрасно сознавал *преобладающее* значение духа над телом, тем не менее это не остановило его перед

против этого Heinze говорит, что intervalla так давно не упоминались, что указание на это слово посредством his представляется сомнительным (S. 110). Munro читает tantis—«With such spaces between» (Transl. p. 66).

[1]) Стихи 391—395 при первом взгляде трудны для понимания. Впервые в них разобрался Гебель. Heinze замечает: Die Fassung ist nicht glücklich zu nennen. Марулл, а вслед за ним Лахман, Бернайс и Бригер даже переставляют стихи 392—393, но это не улучшает строения фразы, вызывая новые недоумения, поэтому мы тут не следуем тексту Бригера, примыкая к Munro и Heinze, тем более, что смысл формулировки можно уловить и без перестановки стихов. Особенно трудно представить себе картину движения атомов последней строчки,—как элементы души могут сойтись, когда между ними не пустое пространство, а телесные атомы? Об этом у Эпикура ничего нет (Heinze, S. 110).

[2]) Munro даже так прямо и переводит: «So very many first beginnings must be stirred in us (ciendum est multa primordia corporis) before the seeds of the soul mixed up in our bodies feel that these have been disturbed (priusquam sem. anim., cor. nos. imm. sentiscant haec primordia concussa esse) (Munro. Translation—p. 66. Notes—p. 195). Смотри, впрочем, Heinze, S. 110.

[3]) Munro. Notes; p. 194.

[4]) Вообще есть основание думать, что те толкования и точки зрения доктрин в учении Эпикура оказывались оригинальными, в которых Эпикур вносил поправки к Демокриту под влиянием свидетельства внутреннего опыта. Как на весьма яркий пример того, можно указать на наиболее резкое видоизменение в материализме Демокрита, именно на эпикурову теорию малейшего отклонения атомов, создающего связь вселенной; ведь тут главную роль сыграл факт свободы воли, переживаемый непосредственно сознанием; esse in pectore nostro quiddam, quod contra pugnare obstareque possit (Lucr. II 279—280). Гюйо правильно указывает: «Ici Epicure fait appel à l'expérience intérieure» и даже видит в Эпикуре предшественника философа, принципиально исходившего из данных внутреннего опыта—Мэн-де-Бирана. (La morale d'Epicure; 5 édit; p. 74 et 76). Повидимому, наблюдательность в психологической жизни вообще характерна для Эпикура как философа, сколь бы ярым материалистом он ни был.

данной оговоркой, — психологический факт, очевидно, был слишком бесспорен и ясен. Как настойчиво выдвигалось Эпикуром соображение количественного несоответствия душевных сил телесным, хорошо видно из надписи, сделанной другим эпикурейцем—Диогеном—по тому же поводу.

В надписи 32 обломка стены, исчерченной письменами Диогена, которые были прочтены усилиями ученых конца прошлого века, речь идет о преобладающем значении души над телом (ὑπεροχῆ). Душа дает природе возможность жить или не жить. Часто человек болен страшной болезнью, он ослаб и так изнурен, что вот-вот его кожа прирастет к костям, и уже кажется, что у организма нет ни внутренностей, ни крови, тем не менее душа, пребывая в жизни, не дает умереть живому; она поддерживает жизнь в целом человеке и, как некоторое единство, связывает человека, подобно тому, как мельчайшие частицы растительных соков превращают молоко в сплоченную массу. И все это, несмотря на то, что *у души неравное число атомов сравнительно с телом* [1]), т.-е. что душевных атомов меньше. Как будто это на первый взгляд даже несколько идет вразрез с общим эпикуровым тезисом преобладания души над телом, тем не менее анти-демокритовское соображение выдвигается здесь на первое место.

Таким образом оказывается установленным как психологический факт существования несоответствия сил раздражения и ощущения, так и материалистическое обоснование этих данных. Мы даже должны подчеркнуть у Эпикура (Лукреция) любопытную деталь; известно, что при установлении смысла психофизического закона в XIX веке было прежде всего высказано два основных толкования. Сам Фехнер думал, что непропорциональное (логарифмическое) отношение устанавливается между нервным возбуждением и ощущением, а само нервное возбуждение растет равномерно, параллельно росту раздражения. По Мюллеру же, выходило, что закон имеет характер чисто физиологический, то-есть, что именно возбуждение, а не ощущение растет непропорционально раздражению. Словом, вопрос заключался в том, какие величины прерывны—величины ли нервного возбуждения прежде всего или только величины ощущения? Уже из сказанного ранее видно, что Эпикур (Лукреций) должен быть причислен к представителям фехнеровского толкования: вспомним его prius est in nobis multa (corporea) ciendum (III, 391). Munro резюмирует мысль Лукреция так: многие атомы тела, по Лукрецию, могут возбуждаться без того, чтобы приходила в движение какая-либо часть души и поэтому без того, чтобы состоялось ощущение [2]). Ясно, что, по Лукрецию, несоответ-

[1]) Μὴ τὸν ἀριθμὸν ἴσον τῶν ἀτόμων ἔχει τῷ σώματι (Usener. Epicureische Schriften auf Stein. Rheinisches Museum für Philologie. 1892. 47 Bandes III Heft. S. 448).

[2]) Munro. Notes, p. 194.

ствие лежит между ощущениями и возбуждениями, а не между раздражениями и возбуждениями, как это выходило, например, у Мюллера.

Мы нарочно представили учение Эпикура об абсолютном пороге в связи с общей материалистической концепцией его психологических воззрений; это нужно было сделать во имя исторической правды, — для самого Эпикура одно с другим было неразрывно связано. Теперь мы попытаемся сделать следующее: нам предстоит указать, какой смысл получила бы формула Эпикура (Лукреция), если бы он ее не втиснул насильственно в рамки материалистического понимания. Для такой интерпретации наиболее пригодной является не заключительная формула Лукреция (392—395), как мы видели несколько неясно выраженная, а может быть и испорченная рукою переписчика,—а формула средняя ст. 378—380. Итак, если мы выкинем из данных трех строчек все материалистические термины и подставим вместо них термины чисто психологические, то получим следующий тезис:

Наименьшим (tanta) *различиям* (intervalla), *впервые* (prima) *подмечаемым* (tenere) *сознанием* (exordia animae), *соответствуют наименьшие* (quantule) *раздражения* (corpora [1]) iniecta nobis), *которые впервые* (prima) [2] *в нас могут вызвать ощущения* (queant ciere sensiferos motus).

Полученная формула вполне соответствует определениям фехнеровского закона порога, которые можно найти в современных учебниках психологии. Джэмс, например, учит так: «Необходима определенная величина внешнего раздражения для того, чтобы произвести хоть сколько-нибудь заметное соответствующее ощущение. Это и есть названный Фехнером закон порога: раздражение должно переступить известную границу, чтобы объект оказался доступным сознанию» [3]). Без особого ущерба ясности понимания можно было бы вписать в учебник Джэмса выведенную выше формулу Эпикура (Лукреция) вместо соответствующих строк самого Джэмса.

Лукреций не только определенно указывает на наличность абсолютного порога, но очень ясно обнаруживает тот его смысл, который в современной психологии имеется всегда в виду при определении величины порога. В стих. 139—140 (Вг.) 4-й книги Лукреций указывает, что первоначальные элементы вещей подлежат восприятию глаза еще в гораздо меньшей степени, нежели те впечатления, которые *впервые перестают замечать глаза*. Это есть не только определение порога, но и точное обозначение одного из путей его уста-

[1]) Corpora суть небольшие внешние тельца, напр., частицы пыли и др., между тем как in corpore есть наше тело, на которое те тельца падают: слово, таким образом, употреблено в его обычном двусмысленном безразличии (Munro, ibid).

[2]) Prima—Zusatz, der die unterste Grenze der Grösse ausdrückt (Heinze, S. 108).

[3]) Text-book of psychol., p. 16.

новления. Вундт учит [1]), что порог раздражения может быть определен двумя методами. При помощи постепенного нарастания раздражения мы можем установить ту величину его, при которой раздражение впервые начинает быть заметным; можно итти обратным путем, а именно устанавливая ту величину раздражения, при которой впервые раздражение перестает ощущаться.

Итак, величина порога раздражения может устанавливаться двояким методом; мы имеем или величину, при которой впервые получаются ощущения, или величину, при которой впервые раздражение перестает быть заметным. Эти две величины, по Вундту, не равны. Для всякого ясно, что вундтовская die eben unmerklich werdende Reizstärke указывает в области зрения как раз на то, что впервые глаза перестают замечать, по Лукрецию (quae primum oculi coeptant non posse tueri) [2]). У Лукреция есть даже определенные термины по отношению к понятиям, входящим в состав учения о пороге. Он знает, что значит быть *под* порогом сознания, т.-е. не достигать той ступени, где созидается соответствующее ощущение. Infra nostros sensus (IV, 139) значит под порогом чувствительности, because what is invisible is said to be below our sense, как хорошо коментирует Munro [3]). Хотя, повидимому, впервые *Лукреций* подобрал такое удачное, теперь вполне установившееся название для восприятия, находящегося *ниже* или *под* порогом сознания, но мысль эта вполне эпикуровская, ибо как раз для стихов 139, 140 и след. найден вполне соответствующий по смыслу контекст во фразе погибшей эпикуровской поэмы. Именно I отрывок II книги περὶ φύσεως, открытой при раскопках Геркуланума, имеет своим предметом как раз вопрос о невоспринимаемых, благодаря своей незначительной величине, элементах. Эпикур говорит тут, что атомы отличаются гораздо большей тонкостью в сравнении с тем, что воспринимается чувствами (ἡ λεπτότης μακρὰν τῆς ἀπὸ τῶν αἰσθήσεων λεπτότητος ἀπέχουσα) [4]); та же мысль в письме Эпикура к Геродоту—λεπτότησιν ἀπέχοντες μακρὰν τῶν φαινομένων [5]).

До сих пор, кажется, никто из психологов не обращал внимания на приведенный любопытный факт из области истории психологии [6]). Может быть отчасти потому, что в разо-

[1]) Grund. der Phys. Psychol.; 1902 1 Band. S. 469.

[2]) Очень ясно в переводе Munro: «Which eyes first begin to be unable to see» (Transl. p. 86).

[3]) Notes; p. 127, Heinze, упоминая это место, указывает, что тут представляется известный уровень, под которым чувства ничего не воспринимают (S. 86).

[4]) См. Pongerville, Luc. de la nature des choses, I, LVII.

[5]) Epicurea. edid. H. Usener, p. 9.

[6]) В своей истории психологии Зибек, правда, останавливается на возражении, которое делает Эпикур Демокриту касательно количества душевных атомов, но чисто психологическая сторона вопроса недостаточно выделяется в этой суммарной

бранном нами месте из Лукреция связь мыслей не сразу видна и коментаторы наталкивались на недоумения в тексте. Однако, если хорошо помнить основную формулировку абсолютного порога, то относительно данного отрывка не остается никаких сомнений по содержанию, кроме испорченного слога в некоторых местах. Впрочем, для русского читателя, пользующегося переводом И. Рачинского, настоящий смысл разобранной (средней) формулы остается совершенно вне поля зрения, потому что вместо нее мы находим в названном переводе следующие, совершенно бессмысленные строчки:

«Сколько в суставах зачатков первичных таких залегает,
Кои у нас в состоянии создать побуждения чувства,
Столько же мест занимают души родовые зачатки» [1]).

Немногим лучше обстоит дело в переводе Понжервиля, у которого, хотя и есть смысл во фразе, но формула Лукреция ускользнула:

Quoique régne partout la chaleur de la vie,
Le corps reçoit souvent mille contactes légers
Qui pour le sentiment demeurent étrangers [2]).

Определение Эпикура (Лукреция) абсолютного порога, конечно, прежде всего представляется курьезом [3]), но этот курьез весьма поучителен. Данная справка из истории философии показывает нам, какою историческою давностью отличаются наши сведения о характерных особенностях сознания; подобные справки могут всегда служить хорошей сдерживающей уздой для всех увлечений мнимыми новинками современности; с другой стороны, тут мы находим ручательство верности наблюдения коренного факта. Относительно психофизической проблемы уже делалась попытка указать исторический контекст для принципиальных возражений против возможности применения понятия измерения к интенсивности ощущения, и Itelson [4]) уже указал, что такие возражения можно найти в философии со времени Мальбранша.

характеристике (Siebeck.«Die Psychol. von Arist. bis zu Thomas von Aquino»,S. 175—176). Ни слова по данному вопросу мы также не находим в обширном исследовании по психологии Эпикура Шенье (Hist. de la psych., p. 191—433). Напрасно мы стали бы искать также у Ланге («Geschichte des Materialismus» с отдельной главой о Лукреции) и Zeller'a («Die Philosophie der Griechen.» III Theil).

[1]) Тит Лукреций Кар. «О природе вещей.» 1904, стр. 83.

[2]) Lucrèce, de la nature des choses, trad. par de Pongerville, Paris, 1823, t. p. I, 279.

[3]) тем более удивительным, что как раз психологические воззрения Эпикура отличаются более, чем у кого бы то ни было, грубостью формулировок; ведь нельзя не согласиться с Martha, что les Epicuriens se contentaient de peu en psychologie (p. 154), также на стр. 219 Martha говорит: «Не стоит излагать подробно слишком простую и нелепую психологию Эпикура».

[4]) G. Itelson. Zur Geschichte des psychophysisch. Problems (Archiv f. Gesch. der Philos., 3 Band; стр. 282 и след)..

Мысль же о прерывном характере наших ощущений оказывается гораздо более старинным убеждением в сравнении с соображениями, высказанными в «Recherche de la vérité».

В общем мы должны сформулировать нашу историческую справку так: Эпикур (Лукреций) в терминах материалистической психологии составил весьма точную формулу принципа (или значения) абсолютного порога психофизического закона.

П. Попов.

